

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Становление исторической
антропологии

Цель: показать особенности формирования предмета исторической антропологии как самостоятельной научной дисциплины

Для любой научной дисциплины, будь она классической или вновь зарождающейся, очень важно определение ее истоков, так сказать, отцов-прародителей и идейных вдохновителей. Не случайно Михаил Маркович Кром озаглавил большой раздел своей книги как «Становление исторической антропологии». Постановочный вопрос о поиске «предшественников» - главный, так как, начиная с семидесятых годов, происходило формирование теоретических подходов, появлялись новые исследовательские работы, обобщающим для которых стал термин «историческая антропология». При этом не было какого-то единственно правильного понимания ввиду особой специфики и особенностей, присущих разным странам. Определяющим признаком было признание существования различных вариантов. В этом учебнике автор рассматривает следующие исходные варианты - французская школа, британская, немецкая и российская школы. В следующих лекциях мы более подробно рассмотрим все направления.

Автор учебника Михаил Кром, анализируя весь «шорт-лист» предшественников и основателей исторической антропологии, резюмирует: «в каждой стране обнаруживается целая плеяда исследователей, чьи идеи оказываются теперь созвучными новому направлению.» И задается вопросом: «Не затушевывается ли таким образом новизна обсуждаемого направления? Ведь никто из тех, кого причисляют к основоположникам исторической антропологии, не только не использовал сам термин «историческая антропология», но и не принадлежал к какому-то одному, общему для них, научному движению или направлению. «Предшественниками» их объявляют современные ученые, обосновывая таким способом свои нынешние исследовательские интересы и позиции, «укореняя» их в научной традиции».

В качестве примера остановимся на знаменитой школе «Анналов». Этимология слова «анналы» означает годовые сводки. Как направление, оно было известно под названием «Новая историческая наука». Как определение одноименной школы - увязывалось с названием «Анналы социальной и экономической истории» - журнала, издаваемого с 1929 года. С 1949 года журнал уже именовался как «Анналы. Экономии. Общества. Цивилизации», а в 1994 году изменил название на «История. Социальные науки». Из истории формирования этой французской школы известно, что ее появление было сопряжено с кризисом исторической науки в 20-е годы XX века на фоне так называемого «классического историзма».

Если говорить о мировоззрении, то представители этой школы вобрали в себя все основные достижения западной исторической мысли и марксизма, но творчески их переосмысливая. Сами представители этого направления нередко утверждали, что как таковой «школы» нет, но присутствует «общее направление движения», «стратегия», или «дух» Анналов. Исследователями выделяются три или четыре этапа её эволюции. Безусловно, нельзя не отметить важную роль этой школы и ее влияние на всю мировую историографию, и тот факт, что ее по праву признают одним из самых значительных направлений в развитии исторической мысли XX века. Отцами-основателями признаются Марк Блок и Люсьен Февр, которые в 1929 году впервые стали выпускать одноименный журнал.

Школа анналов наиболее известна во многих постсоветских странах из всех зарубежных исторических школ. Но особенность именно этого направления исторической антропологии в том, как она была представлена в работах французских ученых. В семидесятые годы известный историк-медиевист Жак Ле Гофф, его коллега Андре Бюргер, ученик Ле Гоффа - Жан Клод Шмидт и многие другие стали развивать это направление. Предметом исторической антропологии в этом французском варианте была история ментальностей, которая впоследствии перестала быть чисто французским явлением и получила широкое международное распространение в научных исследованиях.

По мнению М. Крома: «Научное сообщество никогда не бывает однородным, единомыслие может существовать лишь в условиях тоталитарного режима (да и то носит скорее внешний, показательный характер); поэтому при желании в прошлом почти всегда можно найти ученых, чьи идеи оказываются созвучны возникшему позднее направлению. Но при этом «поиск предшественников» никак не объясняет, почему эти идеи в такой-то момент получили широкое распространение, почему вокруг них возникло влиятельное научное направление. Основанием для такого вывода послужил один из ранних программных манифестов исторической антропологии – очерк, написанный Андре Бюргером, и опубликованный в 1978 г. в энциклопедическом справочнике «Новая историческая наука» (La nouvelle histoire).

Андре Бюргер утверждает, что «благодаря уже упомянутой школе «Анналов» историческая антропология не родилась впервые, а лишь возродилась: предтечами этого направления Андре Бюргер считает историка конца XVIII в. Леграна д'Осси, автора многотомной «Истории частной жизни французов»,

а позднее – Жюль Мишле. Далее Бюгьер упоминает непосредственно школу “Анналов”, на чем собственно очерк становления исторической антропологии, по Бюгьеру, и заканчивается».

Что примечательно, комментирует М. Кром: «В своем историографическом очерке А.Бюгьер ни разу не покинул пределов родной Франции. Между тем историческая антропология возникла ведь и в других странах - в Великобритании, Германии, США, России... Следует ли это приписывать международному влиянию школы “Анналов”, или там у этого направления нашлись свои отцы-основатели?» Для сравнения, согласно версии английского историка Питер Берка мы увидим иной список «предшественников» исторической антропологии: это - Ф.Ницше, А. Варбург, Ф. Корнфорд, М. Блок... и др.»

Обращаясь ко французскому варианту исторической антропологии, будем исходить из позиции представления ее как модели коренного пересмотра всей исторической науки, а точнее ее реформы. На первом этапе развития школы «Анналов» были сформулированы основные установки «истории ментальностей». 10. В словарях дается такое определение «истории ментальностей» - направление, которое фокусируется не на войнах, великих людях, и политике, бывших объектом большинства европейских историографий с древних времен, а, наоборот, на мышлении в культурах и социальных группах прошлого.

Особенность мышления, мировоззрения, картина мира, мыслительные установки обозначается термином «менталитет». Менталитет - это своего рода характеристика коллективного бессознательного. У любого сообщества, народа существуют характерные только для них ментальные установки. Они, как правило, не осознаются своими носителями, передаются генетически и являются именно теми характерными свойствами поведения людей определенного сообщества со своим присущим только им своеобразием.

По определению А. Я. Гуревича - одного из первых основоположников исторической антропологии в России - «ментальность» - термин, которым «новая историческая наука», наиболее влиятельное направление современной зарубежной историографии, обозначает главный предмет своего анализа: социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности.» «В то время как всякого рода теории, доктрины и идеологические конструкции организованы в законченные и продуманные системы, ментальности диффузны, разлиты в культуре и обыденном сознании. По большей части они не осознаются самими людьми, обладающими этим видением мира, проявляясь в их поведении и высказываниях как бы помимо их намерений и воли. Ментальности выражают не столько индивидуальные установки личности, сколько внеличную сторону общественного сознания, будучи имплицированы в языке и других знаковых системах, в обычаях, традициях и верованиях».

В этом смысле предмет изучения истории ментальностей близок с предметом семиотики, науки о знаковых системах, которая, как известно, получила большое развитие в трудах ученых тартуской школы: Ю. М. Лотмана, Вяч.Вс. Иванова, Б. А. Успенского, В. Н. Топорова и др.

«Подходы семиотики и истории ментальностей различны, и если семиотика осознает себя преимущественно в качестве дисциплины, выросшей из лингвистики и совершающей экспансию во все другие сферы человеческой деятельности, понимаемые ею как тексты, знаковые системы которых подлежат расшифровке, то история ментальностей развивалась под влиянием импульсов, полученных из этнологии, культурной антропологии и социальной психологии.

В рамках школы «Анналов» ее последователи обращали внимание на проблему исторической длительности разных исторических феноменов, связанных с социальной историей, с историей структур. Другими словами, в центре их внимания было изучение долговременных структур, поведенческих структур, которые проявляются в речи, жестах, в повседневном обиходе людей.

В этой связи, по мнению М. Крома, наблюдается смешение двух направлений, безусловно, родственных, но в то же время несовпадающих: истории ментальностей и собственно исторической антропологии. Российский исследователь М. Кром признает, что вместе с тем, во французском варианте, как и во всех остальных, существует теснейшая связь между антропологией, полевыми исследованиями, наблюдениями антропологов и, с другой стороны, опытом историков, но здесь следует учитывать как общие моменты, так и отличия.

«Историк, в отличие от антрополога, лишен возможности наблюдать воочию, непосредственно своих героев, так как антрополог, приезжая в некую страну, беседует с местными жителями, записывает их свидетельства, их легенды, рассказы и так далее, потом анализирует и создает свой труд. Но, при этом, у историка есть возможность путем использования интенсивной методики, устраивая “перекрестный опрос” тех свидетельств источников, которые до него дошли, воссоздать жизнь какой-то минувшей эпохи

во всех деталях, во всех красках. Если только это позволяют его источники. В работах названных нами авторов такие попытки и были предприняты», считает М. Кром.

Классикой семидесятых годов именно во Франции в жанре исторической антропологии стала книга Ле Руа Ладюри «Монтайю – окситанская деревня в конце XIII – начале XIV века». Это книга стала бестселлером, так как ею заинтересовались не только специалисты, но и широкий круг читателей.

На страницах своей книги Ле Руа Ладюри воссоздает жизнь крестьян. И какой бы аспект не рассматривался, будь то повседневная работа, социальные связи, родство, брак, семья, сексуальные отношения, знания, досуг – по всем вопросам находится информация в источниках, и как итог получается очень красочная картина повседневной жизни. Кром подчеркивает, что «историк в данном случае уподобился антропологу, который (конечно, между нашим временем и описываемым в этой книге временем пролегал века, но, тем не менее) присутствует как будто при неких событиях и может непосредственно, беседовать с теми людьми».

«Но французская историческая антропология, - подчеркивает автор учебника, - не является единственным истолкованием, не является единственным вариантом, которым это направление представлено сейчас». «Должен подчеркнуть, что есть историческая антропология в работах историков других стран. В Великобритании на протяжении шестидесятых – начала семидесятых годов также сформировалась историческая антропология, причем здесь не чувствуется влияние французских коллег, школы анналов. Британская историческая антропология представлена такими учеными, как Кейт Томас, а также его учеником Питер Берком.

На сегодняшний день Питер Берк – один из мировых авторитетов, в области исторической антропологии и других родственных направлениях исторических исследований. Он автор популярной в научных кругах книги: «Историческая антропология Италии начала нового времени». Питер Берк в предисловии к этой книге сформулировал, что он понимает под этим направлением и обозначил характерные признаки исторической антропологии.

Обобщенно выделим основные пункты, во-первых, в центре внимания историков, которые работают в этом ключе, исследование отдельных случаев.

Объектом выступают малые сообщества, как деревня Монтайю, которую описал Ле Руа Ладюри.

Метод работы – микроисторическое исследование. Ограниченность масштаба дает большую глубину и жизненность. И еще одна важная черта, о которой подчеркивает Питер Берк, это local knowledge (термин Клиффорда Гирца, американского антрополога, этнолога), то есть буквально «местное знание». Иначе говоря, это интерпретация событий, происходящего в данном месте, в данное время в терминах норм и категорий самого общества. Особое внимание отводится повседневности и символизму повседневной жизни, то есть ритуалам, манерам, этикету.

И, наконец, Берк подчеркивает наличие теоретических истоков этого направления. Это - большая социальная история, но не та, которая преобладала до недавнего времени и была пронизана теориями Маркса, Вебера и др.

Для историков-антропологов большое значение имеют труды видного французского социолога Эмиля Дюркгейма, французского этнолога, известного своим трудом «Эссе о даре» Марселя Мосса, американского исследователя Клиффорда Гирца, Пьера Бурдьё и других.

Таким образом, по Берку на формирование исторической антропологии оказали влияние смежные дисциплины - социология, и собственно, антропология в ее различных вариантах.

Семидесятые – восьмидесятые годы прошлого XX столетия были богаты на выдающиеся исследования в этом жанре. Помимо упомянутого труда «Монтайю», написанного Ле Руа Ладюри, назовем работы американской исследовательницы Натали Земон Дэвис. Среди ее трудов наибольшую известность получила книга «Возвращение Мартина Гера». По сюжету этой книги был снят французский фильм с участием Алена Делона и других звезд, получивший популярность по всему миру. Стоит отметить, что в США сторонников этого направления причисляют к представителям «новой культурной истории».

В Италии со второй половины семидесятых годов получает развитие направление, названное «Микроистория». Итальянские историки ее основатели - это, прежде всего, Карло Гинсбург и Джованни Леви, с того самого момента, когда Карло Гинсбург написал книгу «Сыр и черви» в 1976 году. Ключевая проблема, которая ставилась в этой книге - «это вопрос о взаимодействии ученого мира, высокой книжной культуры и мира, и культуры простых людей».

Безусловно, эта книга признана одной из важных и интересных работ, написанных в русле исторической антропологии. Но опять-таки мы обнаруживаем, что «Сыр и черви» одни называют шедевром микроистории,

другие говорят, что это выдающееся произведение исторической антропологии.

В России, по мнению М. Крома, сторонником и одним из «первопроходцев» был и остается выдающийся ученый-медиевист Арон Яковлевич Гуревич. Многие российские ученые, а также начинающие исследователи – студенты, конечно, прежде всего знакомы с этим направлением по работам А. Я. Гуревича, а также по переводам французских трудов, как правило, осуществленных под его редакцией.

М. Кром отмечает, что список основоположников исторической антропологии с каждым годом расширяется. Например, по мнению российского исследователя А.Л.Топоркова, появление историко-антропологического подхода в русской науке середины XIX в. обусловлено трудами Ф.И.Буслаева, А.А.Потебни, А.Н.Веселовского и других ученых того времени.

Такие ученые как О.М. Медушевская и М.Ф. Румянцева находят предпосылки в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского, выдвигавшего принцип «признания чужой одушевленности». В этой связи, М. Кром замечает, что «разумеется, эти ссылки на авторитеты красноречиво свидетельствуют о том, насколько по-разному авторы понимают суть историко-антропологического подхода». Исходя из того, что вышеперечисленные Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня изучали мифологическое сознание, религию, культуру, соответственно именно это и выступает в качестве главного объекта у А.Л. Топоркова, и, по его мнению, истоки исторической антропологии восходят к трудам русских филологов 19 века. Следовательно, там, где ориентиром служит философская антропология в случае с Медушевской и Румянцевой, в центре внимания - идея индивидуальности в истории.

В числе имен, внесших вклад в становление антропологического подхода Б.Н. Чичерин и Н.И. Кареев, чьи исследования посвящены роли личности в развитии истории.

Одним словом, появление все новых персон, стоявших у истоков зарождения исторической антропологии, позволяет сделать вывод. Вариативность и неоднозначность предметного поля исторической антропологии допускает включение в число основателей всех тех, кто впервые разрабатывает ту или иную проблематику в рамках этого направления и представляет научный авторитет в этой сфере.

Возвращая нас к статье А.Бюргера, М. Кром указывает, на что стоит обратить внимание. А именно, то, что сам А. Бюргер, обнаруживая у исторической антропологии далеких предков и возводя ее «генеалогию» к XVIII в., невольно заслоняет от внимания читателя тот факт, что именно в его статье «историческая антропология» как особая дисциплина впервые появилась на страницах авторитетного энциклопедического издания. В трехтомнике «Изучать историю» [“Faire de l’histoire”], вышедшем в 1974 г., такой рубрики еще не было.

Конечно, замечает М. Кром, «рубрика или название не создает направления, но их появление свидетельствует об институционализации, научном признании ранее возникшей дисциплины. Поэтому если нас интересуют причины успеха нового направления, завоевавшего признание во многих странах в период после второй мировой войны, следует перенести вопрос в другую плоскость: какие тенденции в развитии мировой исторической науки отразились в “антропологизации” истории? Какие условия и обстоятельства этому способствовали?»

Основные термины: историческая антропология, история ментальностей, менталитет, школа Анналов, микроистория, история повседневности.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: РГГУ, 1996.
2. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 64 – 91.
3. Бюргер А. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного: В 2 кн. М., 2003. Кн. I. С. 191 – 219.
4. Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докл. и сообщ. научной конф. Москва, 4 – 6 февраля 1998 г. / Отв. ред. О. М. Медушевская. М.: РГГУ, 1998.
5. История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX – XXI веков / Под ред. Михаила Крома, Давида Сэбиана, Гади Альгази. СПб., 2006.
6. Кром М.М.: История России в антропологической перспективе // видеолекции Европейского

Книга: Историческая антропология
Лекция: Становление исторической антропологии
Автор лекции: Алия Масалимова

- Университета в Санкт-Петербурге / <http://test.eu.spb.ru/index.php>
7. Кром М.М. Историческая антропология // видеолекции Европейского Университета в Санкт-Петербурге/ <http://test.eu.spb.ru/index.php>